

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ „СОВРЕМЕННОКА“

I. ПИСЬМА Н. А. НЕКРАСОВА К А. Н. АФАНАСЬЕВУ

Публикация М. Клевенского

Печатаемые четыре письма Некрасова адресованы известному фольклористу и историку русской литературы Александру Николаевичу Афанасьеву (1826—1871), автору исследований «Поэтические воззрения славян на природу» (М., 3 т., 1866—1869), «Русские сатирические журналы 1769—1777 годов» (М., 1859), издателю «Народных русских сказок» (М., 8 выпусков, 1855—1863) и «Народных русских легенд» (М., 1859). Письма относятся к первым годам существования «Современника» под новой редакцией Панаева и Некрасова.

Афанасьев начал сотрудничать в «Современнике» в 1847 г., еще будучи студентом Московского университета (кончил университет в 1848 г.). Первая его статья там — «Государственное хозяйство при Петре Великом» (№№ 6 и 7). Молодой студент был рекомендован редакторам К. Д. Кавелиным в то время, когда Некрасов и Белинский усиленно стремились привлечь в новый журнал московских сотрудников. Белинский упоминает названную статью Афанасьева в своей переписке с Кавелиным и В. П. Боткиным. Он считал ее очень дельной статьей, но «более ученой, нежели журнальной».

В 1849 г. Некрасов, задумавший расширить отдел научной критики, возлагал много надежд в этом отношении на Афанасьева и очень просил его расширить свою работу для журнала. Афанасьевым помещен в журнале за 1847—1853 гг. целый ряд статей и рецензий как подписанных, так и анонимных. Перечень их можно найти в «Русском Архиве» 1871 г., № 11, где напечатан собственноручный список литературных работ Афанасьева. По неизвестным причинам участие его в «Современнике» в 1853 г. прекращается.

Письма к Афанасьеву принадлежат к многочисленному отделу деловых писем Некрасова, целиком связанных с его редакторской деятельностью. Все письма относятся к тому времени, когда существование журнала было исключительно трудно — прежде всего вследствие невозможных цензурных условий в эпоху бутурлинского комитета.

Интересно отметить, что в конце 1849 г. Некрасов, побуждая Афанасьева более энергично писать обзоры исторической литературы и отзывы на отдельные книги по истории, так мотивировал это: «Мне кажется, что работы по русской истории есть самое лучшее, самое главное и самое характерное в нашей литературе последних двух или трех лет». Без сомнения, эта исключительная склонность редактора к историческим статьям имела и другое объяснение: по условиям времени невозможно было наполнять журнал более живым и актуальным содержанием. Однако, и статьи на чисто исторические темы было очень нелегко проводить через цензурные рогадки. Об этом говорит упомянутый Некрасовым случай цензурной придирки, когда цензор Крылов не пропустил статей Афанасьева на том основании, что автор сосредоточил свое внимание исключительно на темных сторонах старой русской жизни.

Кроме этих основных трудностей в ведении журнала, для первых лет «Современника» следует учитывать и затруднение из-за недостаточно окрепшего материального положения журнала. Некрасову приходилось извиняться в гонорарной неаккуратности перед ценным им сотрудником и пояснять: «Такова уж моя участь, что покуда к концу года приходится надувать сверх всякого желания».

Два из писем Некрасова имеют точную дату, третье может быть вполне определенно отнесено к декабрю 1849 г. Что касается четвертого письма, печатаемого нами последним, то точная датировка его затруднительна.

Письма Некрасова сохранились в архиве Якушкиных. Архив этот хранится в Институте Маркса—Энгельса—Ленина.

1

1849 г.¹

Милостивый Государь, Александр Николаевич!

Очень рад, что Вы согласились писать Обзорение по части истории русской. Характер нынешнего обзора будет — полнота, и потому пожалуйста постарайтесь указать на все сколько-нибудь значительное, при заглавии всякой статьи ставьте в скобках где и в каком № напечатана. Не бойтесь, если статья будет выходить длинна — это не беда; скажете ли Вы об изданиях Археогр[афической] Комиссии?² — это бы необходимо; у нас о них ничего не было. Затем Временник и Царские Письма³ должны войти также в обзорение. Через два дня после этого письма отправляю я к Вам пакет (на Базунова)⁴ вместе с 12 № Современ. — в этом пакете вы найдете статьи ваши о Временнике и о Ц. П.* в корректуре; один цензор их позволил в том виде как они на помянутой корректуре, другой г. Крылов⁵ — не пропустил, объявив, будто в этих статьях выбрано только все то, что составляет темную сторону древней жизни и что из статьи о письмах можно ясно увидеть, что древние госуд. только и делали, что ездили на богомолья. Передавая Вам это заключение в сущности несправедливое — я прошу Вас вставить в эти же самые статьи, если можно, — чего-нибудь составляющего эту требуемую хорошую светлую сторону — дабы я мог требовать от г. Кр. пропуска этих статей. Я думаю, что поперделав вы можете вставить эти статьи в обзор. Пожалуйста не огорчайтесь, что нынешний год был так страшно несчастлив для ваших трудов, ей Богу я этим сам огорчен, ибо ни одному из наших сотрудников не подносил я столько горьких пилюль как Вам в этом году — но что же делать! Авось в следующем году будет лучше⁶.

Пишите больше. С следующего года я намерен расширить отдел критики и много надежд в этом отношении основываю на Вас. Напишите мне об этом. Вы конечно следите за всем, что выходит по русской истории — я желал бы, чтобы о всех книгах этого рода и о петербургских и о московских без исключения писали Вы и чтобы Вы уже приняли на себя ответственность за полноту этого отдела, т. е. что ни одна книга не будет пропущена; книги берите и в случае нужды покупайте у Базунова на мой счет, а чего нет в Москве, требуйте от меня (кстати, помните, Вы предлагали мне писать статьи про одно моск. издание [зачеркнуто: если] об этом издании, — если [зачеркнуто: у Вас] Вам оно еще нужно, так пишите эти статьи, а я пошлю подтверждательную записку к Базунову о [зачеркнуто: выд] постепенной выдаче Вам выпусков). Затем желал бы я чтоб Вы взяли на себя вообще разборы выходящих в Москве книг и присылали бы их аккуратно каждый месяц, как делал

* Царские письма (т. I).

это Егунов⁷ (который впрочем разбирал далеко не все книги); нет нужды чтоб все книги разбирали непременно Вы, если Вам иногда нет времени или предмет специальный, отдавайте другим — ведь Москва не клином сошлась, — но только сами пересматривайте. Насчет добывания книг — вот лучшее средство: следите за Московск. Вед. где непременно публикуется о каждой новой книге, записывайте заглавия, а потом требуйте по этому списку книг от Базунова, а я уж напишу ему, чтоб он покупал да давал Вам все книги. Наконец данное Вами обещание написать несколько статей о так называемых русских классиках тоже надеюсь не останется втуне — по крайней мере мне бы этого не хотелось. Напишите мне обо всем об этом и пожалуйста работайте дальше. Если не успеете с обзором к 15-му, то часть пришлите 15-го, а остаток можно до 18-го. (Упомяните о Соловьеве да и вообще о журнальных статьях по истории в науках и критике). Заметьте, что в прошлом 1848 году у нас не было историческ. обзора — поэтому вам еще более простора. Мне кажется, что работы по русской истории — есть самое лучшее, самое главное и самое характерное в нашей литературе последних двух или трех лет. Так ли Вы думаете?

По вашему счету следовало [зачеркнуто: мне с Вас] Вам с меня 256 р. ас. — послал я Вам записку на 50 р. сер. — Итак за мной 81 р. ас., на которые на обороте записка. Будьте здоровы.

Пред. Вам Н. Некрасов

2

1851 г.

Милостивый Государь, Александр Николаевич!

Я очень рад был, получив ваши рецензии: это показывает на самом деле, что вы не имеете серьезного убеждения будто статьи ваши или чьи-нибудь сокращаются здесь и портятся редакцией. А когда так, то конечно, нет и причины почему бы Вам не продолжать работу в Современнике, о чем и с своей стороны усердно Вас прошу.

Я желаю, чтоб Вы продолжали разбор ученых (преимущественно исторических) книг и чтоб взяли на себя по примеру прежних лет⁸ написать обозрение русск. истор. литер. за 1851 год.

Об этом пишу заблаговременно и прошу Вас заблаговременно написать мне о соглашении или несоглашении Вашем. Вы, кажется, были раздосадованы исключением страницы или двух о Шульгине — это сделано было по той причине, что только месяц тому назад была в Совр. большая статья о Шульгине, с которой Ваш отзыв не совсем местами совпадает⁹. Впрочем, впредь и подобных исключений не будет — по крайней мере — без предварительного соглашения с Вами.

Прошу Вас написать мне.

Остаюсь Вашим преданным Н. Некрасов[ым]

17 июня. Ораниенб[аум]

3

Милостивый Государь, Александр Николаевич!

По причине долговременного моего отсутствия из Петербурга¹⁰, я только на днях приступил к занятию Современником, и узнал, что Вы уже давно не присылаете Ваших статей в этот журнал¹¹. Вопрос важный для меня состоит теперь в том: было это случайно или не случайно и желаете Вы или нет писать на будущее время в Совр. библиографические статьи — на прежних основаниях, — о чем и прошу Вас уведомить меня.

Пребывающий к Вам с полным почтением

Н. Некрасов

1853. Окт[ября] 5. СПБ.

Милостивый Государь, Александр Николаевич!

Вы ко мне не пишете и статей не шлете — вероятно сердитесь, что я Вам не шлю денег, вопреки своему обещанию. Поверьте я об этом думал да никак не собрался с силами. Такова уж моя участь, что куда к концу года приходится надувать сверх всякого желания. Деньги Ваши будут мною Вам заплачены при первой возможности, никак не позднее конца ноября или начала декабря — и сверх того ожиданием этим Вы приобретаете право взять у меня до 150 р. сер. в начале года вперед.

А работу прошу Вас продолжать. Вот все что я могу предложить на ваше усмотрение в настоящее время. Еще потрудитесь зайти к Базунову — я напишу ему, чтоб он выдал Вам столько, сколько может, или лучше вкладываю записку здесь. Прошу Вас во всяком случае написать мне дабы я мог определенно знать — будете ли Вы продолжать работу и могу ли ждать от Вас статей и каких.

Душевно пред[анный]
Н. Некрасов

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пометка «1849» сделана кем-то сверху письма карандашом. Это соответствует тому, что в письме говорится о «прошлом 1848 года». Так как Некрасов говорит, что он через два дня пошлет Афанасьеву 12-й номер «Современника», то время написания письма можно отнести к декабрю 1849 г.

² «Археографическая комиссия при Министерстве народного просвещения» в С.-Петербурге возникла в 1834 г. Существовала в качестве самостоятельного учреждения до 1 января 1922 г., когда вошла в состав учреждений, подведомственных Академии Наук. В задачи Комиссии входило прежде всего издание различных памятников по древней русской истории.

³ «Временник императорского Московского Общества истории и древностей российских» издавался в 1849—1857 гг. под редакцией И. Д. Беляева.

«Письма русских государей и других особ царского семейства». Т. I, М., 1848. Письма были изданы Археографической комиссией.

⁴ Московский книгопродавец-издатель Василий Иванович Базунов был для Москвы представителем журнала «Современник».

⁵ Крылов, Александр Лукич (1798—1853), бывший профессор Петербургского университета, редактор «Журнала министерства внутренних дел», цензор С.-Петербургского цензурного комитета. Был цензором «Современника».

«Самый трусливый, а следовательно и самый строгий из нашей братии», — характеризует его профессор и цензор А. В. Никитенко.

⁶ В 1849 г. А. Н. Афанасьев напечатал в «Современнике» только «Критику на историю церкви рижского епископа Филарета» (№№ 4 и 5) и рецензию на дневник Гордона (№ 6).

⁷ Егунов, Александр Николаевич (1824—1897), писатель по статистическим вопросам. Начал свою литературную деятельность статьей в «Современнике» (1848 г., №№ 8 и 9). «Взгляд на торговлю древнейшей Руси». В 1855 г. выпустил книгу «О ценах на хлеб в России и их значениях в сфере отечественной промышленности». В 60-х годах был редактором «Записок Беессарабского областного статистического комитета». Позже был чиновником особых поручений при министерстве земледелия и государственных имуществ, выпустил несколько книг.

⁸ Афанасьев поместил в «Современнике» обзоры исторической литературы за 1849 г. (1850, № 1) и за 1850 г. (1851, № 1).

⁹ Шульгин, Виталий Яковлевич (1822—1878), профессор истории Киевского университета в 1849—1862 гг., основатель газеты «Киевлянин», получавшей правительственную субсидию. Написал курсы древней, средней и новой истории, выдержавшие по многу изданий. В письме Некрасова идет дело о магистерской диссертации Шульгина «О состояниях женщин в России до Петра Великого» (Киев, 1850). Статья В. Милотина об этой книге была напечатана в «Современнике» не «месяц тому назад», а в декабрьском номере журнала за 1850 г.

¹⁰ Лето 1850 г. Некрасов провел в с. Алешунине Владимирской губ., в маленьком имении его отца близ г. Мурома. В начале августа переехал в с. Грешнево Ярославской губ. 14 августа он намеревался выехать из Москвы в Петербург. См. Н. Ашукин, «Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова», 1935, стр. 122—123.

¹¹ В первом номере «Современника» за 1853 г. напечатана рецензия Афанасьева на издание «Киевские акты». В дальнейшем его статьи здесь не появлялись.

II. НЕУДАВШАЯСЯ КОАЛИЦИЯ ИЗ ИСТОРИИ «СОВРЕМЕННОГО» 1850-х ГОДОВ

Статья В. Евгеньева - Максимова

«Современник» в эпоху так называемого «мрачного семилетия» (1848—1854) был органом дворянского либерализма, имея во главе сплоченный кружок дворянских и буржуазно-дворянских писателей (Анненков, Боткин, Григорович, Дружинин, Панаев, Тургенев и др.). Если главный редактор «Современника» Н. А. Некрасов и занимал более левые позиции, то на направлении журнала это обстоятельство не сказывалось особенно заметно. Да и о каких радикальных и демократических тенденциях можно было говорить в мертвящей обстановке «цензурного террора». Однако, в 1854 г. ситуация в «Современнике» несколько меняется.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

принимает по средамъ отъ 11 часовъ

утра до 3.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРИЕМНЫХ ЧАСАХ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
В РЕДАКЦИИ «СОВРЕМЕННОГО»

Некрасову удалось привлечь в число его сотрудников Н. Г. Чернышевского, единственного, быть может, писателя той эпохи, которому было под силу восстановить, продолжить и углубить революционно-демократические традиции Белинского. Известно, как недружелюбно отнеслось к Чернышевскому либерально-дворянское ядро сотрудников «Современника». Если отрицательная оценка Чернышевским творчества популярного тогда типично-дворянского беллетриста Авдеева, относящаяся еще к 1854 г., возбудила сильное неудовольствие, то в следующем году его знаменитый трактат «Об эстетических отношениях искусства к действительности», противопоставлявший дворянской эстетике демократическую, «теории чистого искусства» теорию искусства общественного, служебного, был встречен прямо-таки взрывом яростного негодования. Достаточно вспомнить тургеневские филиппики по адресу «клоповояющего» и «поганой мертвечины», им проповедываемой. Мало того, к тому же 1855 г. относится попытка вернуть в «Современник» на руководящие роли Дружинина, постепенно вытесняемого из

журнала Чернышевским. Если эта попытка не удалась, то исключительно потому, что в конечном результате не была поддержана Некрасовым, коренным образом разошедшимся с Дружининым в вопросе о «гоголевском направлении» (см. его письмо к Боткину от 16 сентября 1855 г.), против которого Дружинин готов был уже начать борьбу. Идеологические расхождения между Чернышевским и либерально-дворянским ядром сотрудников «Современника» в 1855 г., во всяком случае, приняли столь резкий характер, что со дня на день можно было ожидать настоящего конфликта. Однако, этого конфликта не произошло. Не произошло благодаря той социально-политической конъюнктуре, которая создалась в стране с воцарением Александра II и заключением мира. Сознание того, что «в России сверху блеск, а снизу гниль» (выражение будущего министра П. А. Валуева), что, пользуясь прекращением военных действий, необходимо «заняться внутренними делами», а «первым делом — освободить крестьян, потому что здесь узел всяких зол» (слова главнокомандующего русской армией кн. М. Д. Горчакова, сказанные самому царю), получило широчайшее распространение. Борьба за реформы, борьба с теми, кто противится их осуществлению, стала лозунгом, способным на время объединить и умеренно-либеральные и радикально-демократические элементы тогдашней общественности. Конкретизацией данного лозунга, в частности вопросом о практических основаниях предполагаемых реформ, покамест занимались мало¹.

Вот почему широковещательные декларации, вроде той, которая была провозглашена Кавелиным в письме к Погодину от 3 ноября 1855 г., вызывали всеобщее сочувствие. А кавелинская декларация гласила: «Время теперь такое, что всем честным и благомыслящим людям в России надобно забыть о взаимных неудовольствиях, личных, литературных и научных, и отставить несогласие в образе мыслей на второй план, а на первый—единство, доверие взаимное, приглашение хоть в том, в чем согласиться можно, а таких пунктов гораздо больше, чем кажется с первого взгляда. Теперь, больше чем когда-нибудь, может быть столько же, сколько в 1612 году, Россия требует верной службы от своих сынов и знать не хочет их маленьких несогласий».

В подобной общественной атмосфере, естественно, был снят с повестки дня вопрос о расхождениях в составе руководящей группы сотрудников «Современника». Более того, был поставлен на повестку другой вопрос — вопрос о теснейшем объединении участников этой группы. Мы глубоко убеждены, что именно в социально-политической конъюнктуре, создавшейся к началу 1856 г., следует видеть первопричину договора редакции «Современника» об исключительном сотрудничестве с четырьмя корифеями тогдашней художественной литературы (Толстой, Тургенев, Григорович, Островский). Если взгляды этих писателей и не вполне совпадали со взглядами Чернышевского, то в процессе совместной борьбы за реформы, за «новую эру» русской жизни, их разногласия, по мнению редактора «Современника», могли-де легко сгладиться. Рассуждая таким образом, Некрасов, надо думать, надеялся, что приобщение Толстого, Тургенева, Григоровича и Островского к руководящему кругу «Современника» создаст в конце концов общий язык между ними и Чернышевским. Само собой разумеется, что для него отнюдь не было безразлично, что речь в данном случае шла о писателях столь крупного масштаба. Привязать их навсегда к журналу — это значило, думалось Некрасову, не только поставить в такое положение, при котором он мог не опасаться никакой конкуренции, но и усилить его идеологические позиции, придать несравненно более блеска и авторитетности тому направлению, которое он проводил.

С нашей точки зрения, затея Некрасова заранее была обречена на неудачу. Но в условиях того времени, тогдашнего исторического момента могло казаться, что она имеет значительные шансы на успех. Не только Некрасов, но и человек с несравненно более четким и революционным образом мыслей, с несравненно более скептическим складом ума, каковым бесспорно являлся

Н. Г. Чернышевский, принял в достаточной степени активное участие в той «борьбе за Тургенева и Толстого», одним из этапов которой являлось заключение «обязательного соглашения». В дальнейшем мы постараемся подтвердить вышеизложенное рядом фактических данных. А покамест вернемся к самому соглашению.

В свое время нами было опубликовано письмо Боткина к Некрасову от 19 апреля 1856 г. (см. нашу статью «Некрасов и люди 40-х гг.», «Голос Минувшего», 1916 г., № 19), в котором он говорит буквально следующее: «Злоба, которую возбудил здесь контракт «Соврем.» неописанна. «Русский Вестник» решительно упал духом... и т. д. Таким образом, раз уже в апреле 1856 г. можно было говорить о «контракте», как о неподлежащем никаким сомнениям факте, то, следовательно, заключение этого «контракта» относится к первым месяцам 1856 г. Беловой текст «контракта» до сих пор неизвестен. Однако нам посчастливилось разыскать черновой его текст, писанный рукою Некрасова, с многочисленными поправками и дополнениями. Ввиду важности этого документа печатаем его полностью.

ПРОЕКТ УСЛОВИЯ *

Нижеподписавшиеся литераторы заключили с редакцией журнала Современник предварительно на четыре года — начиная с 1-го января 1857 года, следующее условие:

1) Григорович, Тургенев, Толстой и Островский обязываются в течение этих четырех лет печатать свои произведения исключительно в Современнике.

2) Они получают название «участников» и отличаются тем от сотрудников журнала.

3) Плата за статьи участников определяется взаимным соглашением между каждым из них и редакцией — предварительно заключения условия — с тем, чтобы плата эта уже не изменялась в течение 4 лет. Плата эта полагается, независимо от дивидендов, о коих см. ниже.

4) Тем из участников, которые уже дали слово поместить статьи в других журналах или взяли с них деньги — дозволяется исполнить свои обещания но с тем, чтобы каждый из участников при совершении условия объявил поименно те статьи, которые он намерен отдать в другие журналы и назначил бы срок, когда они должны будут быть напечатаны. Срок напечатания этих статей не должен простираться далее нынешнего года, в чем «участники» должны обязать редакторов тех журналов, которым они обещали свои статьи. В случае нарушения сего пункта, нарушитель лишается причитающегося ему в тот год дивиденда.

5) В объявлении о подписке на будущий 1857 год, именно начиная с сентября — редакция Современника имеет право объявить об исключительном сотрудничестве участников в ее журнале в течение 4 лет.

6) Начиная с будущего 1857-го года, все деньги собранные с подписчиков свыше числа 3200, за исключением стоимости прибывшего числа экземпляров, ограничивающейся расходом на бумагу и лишние оттиски при печатании, разделяются на три части; из них одна представляется редакции, другие же две в виде дивиденда раздаются участникам — пропорционально числу страниц в статьях помещенных каждым из них в течение года в Современнике. Большие стихотворные пьесы считаются для дивиденда вдвое

* Слова, набранные здесь и ниже разрядкой, перенесены нами в основной текст с полей, где они опять-таки были написаны рукою Некрасова.

с листа против прозы; мелких стихотворений на лист считается от 10 до двенадцати.

7) Право на получение дивидендов дается участникам исключительно одними беллетристическими статьями, т. е. статьями, помещенными в отделе изящной словесности; за статьи же помещенные в других отделах участники получают плату наравне с обыкновенными сотрудниками.

8) Частные долги участников редакции не могут иметь влияния на общую массу дивидендов — а только на дивиденд того лица, которое состоит должным редакции.

9) Раздача денег производится по выходе Декабрьской книжки, в продолжение декабря месяца, отнюдь не позже 15-го января. Первая раздача состоит 15-го декабря 1857-го года.

10) Не возбраняется присоединение других литераторов в число участников в предстоящем условии, но не иначе как с общего согласия первоначальных участников, но вследствие особого по сему предмету совещания.

11) Новопоступающие участники принимают на себя те же обязанности и пользуются теми же правами как и прежние.

12) Г. Г. Панаев и Некрасов находятся в числе участников не как редакторы Современника, а как литераторы — на одинаковых правах как и остальные участники.

13) Из числа участников избираются ими же двое для наблюдения за общими выгодами и интересами. Один из этих выбранных должен иметь постоянное пребывание в Петербурге.

14) Редакции Современника предоставляется право отказа в помещении статьи каждому из участников; но участник имеет право апелляции ко всем остальным и в случае единогласного их приговора статья должна быть напечатана.

15) Каждый участник имеет право статью свою непринятую редакцией — или даже вовсе им по своим соображениям не представленную в редакцию — напечатать отдельным изданием — но только отнюдь не в журнале. Также имеет он право отдельно напечатать свою статью, являющуюся в Современнике — но не прежде чем по прошествии года и не в журнале.

16) Статьи, написанные участниками по требованиям служебным или официальным — могут быть помещаемы ими в повременных казенных изданиях.

17) Условие это заключается с редакцией Современника как бы с юридическим лицом — и потому от изменения личностей в составе редакции — условие не нарушается; в случае же передачи редакции в другие руки — новые редакторы обязаны принять на себя вышеисчисленные обязанности в отношении к участникам; но участники имеют право уничтожить это условие, предварительно уведомив о том новых редакторов.

18) Участники обязываются откладывать от своих дивидендов 5% — с целью вспомоществования бедному литератору или издания полезного сочинения по общему соглашению.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Так как участники заключают это условие с редакцией Современника, состоящей из двух лиц, то они желают знать собственно отношения этих двух лиц между собою в деле редакции, а также и теперешнее общее состояние дел Современника.

Редакциею журнала занимается преимущественно г. Некрасов; в отсутствие его, он передает свой голос и свое право на кого пожелает избрать для сего дела, — или это право переходит тому из участников ко-

который избран будет своими товарищами для замены отсутствующего г. Некрасова, и в таком случае г. Панаев обязан принимать в соображение его мнение и согласие касательно помещаемых в журнале статей, доставлять в корректуре или оригинале все статьи, назначаемые для журнала, на рассмотрение таковому участнику, не действуя без его согласия. Что касается до хозяйственной части, то ответственность в денежных обязательствах перед участниками принимает на себя г. Некрасов, а в его отсутствие суммы журнала будут храниться у П. А. Плетнева, — и употребляться не иначе, как на расходы по журналу чрез лицо, доверенное г. Некрасовым, которое будет производить как расчет в дивиденды, так и доставлять участникам верные сведения о ходе дел журнала и числе подписчиков.

Вчитываясь в этот «проект», нельзя, прежде всего, не подчеркнуть самым решительным образом, что он имеет весьма важное принципиальное значение, выдвигая в качестве «хозяев журнала» целый писательский коллектив, в данном случае коллектив из 6 лиц, при чем Некрасов и Панаев, согласно п. 12, входили в него «не как редакторы «Современника», а как литераторы» — на одинаковых правах с остальными «участниками». Мы употребили выражение «хозяева журнала» не случайно, ибо, кроме участия в дивиденде в равных долях с обоими редакторами², участники получали два чрезвычайно существенных права — право окончательного решения вопроса о помещении отвергнутых редакцией статей (п. 14) и право «наблюдения за общими выгодами и интересами» (п. 13). Ведь это значило, что участники могли, вопреки воле редакции, добиться помещения в журнале желательных им статей, т. е. тем самым влиять самым непосредственным образом на направление журнала, с другой стороны, это значило, что от них зависел контроль над ведением всех журнальных дел, ибо трудно себе представить такое дело, которое, в конечном результате, не могло иметь никакого отношения к «общим выгодам и интересам». Так далеко пошла редакция «Современника», который с момента заключения соглашения становился в некоторой мере товарищеским начинанием, почти что артельным журналом, в своем стремлении теснее приблизить к журналу наиболее выдающихся художественных писателей современности.

В объявлении о подписке на «Современник» в 1857 г. об «обязательном соглашении» говорилось, как о крупнейшем успехе, достигнутом редакцией. Вот относящиеся сюда первые две страницы объявления:

«Современник» в 1857. году будет издаваться в том же объеме и в те же сроки, теми же лицами, разделяющими между собою труды по редакции журнала, и при участии тех же сотрудников, которые печатали в нем свои произведения в течение десяти лет.

Но, оставаясь неизменным по своему направлению, сохраняя прежнюю редакцию и прежних сотрудников, Современник вошел с некоторыми из известнейших наших писателей в обязательное соглашение, которое дает ему возможность занять в литературе новое положение, заслуживающее внимание читателей. Увеличивающееся число литературных журналов заставило некоторых писателей наших подумать о том, что, раздробляя свою деятельность на участие в нескольких периодических изданиях, литератор подвергает себя неудобствам, которые сильно чувствуются и публикою, если его произведения интересуют ее. Неудобства эти очевидны. Назовем одно из них, быть может, самое важное. Тому, кто не имеет времени или средств постоянно читать многие журналы, трудно бывает следить за произведениями любимого им автора, когда они рассеяны в разных изданиях; еще затруднительнее в таком случае читателю пересмотреть, для возобновления прежних впечатлений или для проверки своего мнения, все произведения известного писателя. Но если это неудобство тяжело для читателя, то еще ощутительнее невыгодные следствия его для писателя: он чувствует потребность знать мнение публики о своей литературной деятельности,

а образование этого общественного мнения затрудняется обстоятельством, на которое указано выше. Редакция Современника, всегда сознававшая, что успех журнала и сопряженное с ним увеличение его материальных средств принадлежат не столько ей, сколько писателям, полезное и неизменное содействие которых приобретает журналу внимание и сочувствие публики, изъявила с своей стороны полную готовность сделать все от нее зависящее для устранения означенных неудобств. Таким образом, взаимный обмен мыслей, здесь изложенных, имел своим последствием обязательное соглашение между редакцией Современника и несколькими литераторами, которых полезное сотрудничество впредь на несколько лет упрочено отныне исключительно за Современником. Вот эти писатели:

Д. В. Григорович, А. Н. Островский, Граф Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев.

Все новые беллетристические произведения названных писателей (романы, повести, комедии и т. п.), начиная с 1857 года будут появляться исключительно в Современнике³. Нет надобности говорить, что от того выиграют и читатели «Современника», и писатели, участвующие в договоре, и достоинство журнала».

Мало того, на обложках всех книжек 1857 г. значилось:

«С 1857 года помещают исключительно в Современнике свои произведения:

Д. В. Григорович, А. Н. Островский, Граф Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев».

Однако, очень скоро выяснилось, что ликование редакции было, по меньшей мере, преждевременным и что привлеченные к исключительному сотрудничеству писатели проявляют ко взятым им на себя обязательствам более чем пассивное отношение. Дело в том, что для «участников» «обязательного соглашения» с каждым месяцем 1856, а в особенности 1857 года становилось все ясней и ясней, что «Современник», поскольку в нем задает «тон» («идеологический тон») Чернышевский, никоим образом не может стать для них своим журналом, т. е. таким, с которым они чувствовали бы себя кровно, тесными идеологическими узами связанными. Очень показателен, с этой точки зрения, тот факт, что почти одновременно с заключением контракта или же непосредственно после него со стороны буржуазно-дворянской группы сотрудников «Современника» была сделана попытка добиться крайнего ограничения роли, а то и ухода Чернышевского путем привлечения к руководящей работе в «Современнике» Ап. Григорьева, как раз в это время оставшегося не у дел, благодаря прекращению «Москвитянина». Мы не будем вдаваться в обследование вопроса, по чьей инициативе начались переговоры с Ап. Григорьевым. Для нас важно лишь отметить, что Боткин все в том же письме к Некрасову от 19 апреля 1856 г. ставил его в известность, что Ап. Григорьев, желая «иметь орган для своих мнений», «готов взять на себя всю критику Современника», — «с тем, чтобы Чернышевский уже не участвовал в ней». «На это, кажется,— продолжал Боткин,— едва ли можно согласиться; положим, что Григорьев несравненно талантливее Чернышевского, — но последний несравненно дельнее. Он готов даже переехать в С. П. Б. Что ты на это скажешь? При твоём контроле Григорьев был бы кладом для журнала: это единственный человек, у которого есть то, что нужно для журнала и чего, кроме него, нет ни у кого. При том он во всем несравненно нам ближе Чернышевского. Переговори-ка об этом с Тургеневым, — а право об этом стоит подумать».

Письмо Боткина, как видит читатель, написано очень дипломатично. Он как будто против того, чтобы заменять Чернышевского Григорьевым («на это, кажется, едва ли можно согласиться»), однако, с другой стороны, им приводятся различные соображения, имеющие целью склонить Некрасова именно на эту замену: здесь и указание, что «Григорьев несравненно талантливее Чернышев-

ского», и утверждение, что Григорьев обладает столь ценными для журнала качествами, каких нет ни у кого, и признание, которому нельзя не придать особого значения, что Григорьев «во всем несравненно нам [т. е. либерально-дворянскому кругу «Современника»] ближе Чернышевского».

Некрасов, очевидно, держался иного мнения, ибо переговоры с Ап. Григорьевым оборвались, не приведя к положительному результату⁴.

Если, таким образом, весной 1856 г. Некрасов не согласился на замену Чернышевского Григорьевым, то летом, того же года он дал новое еще более яркое доказательство того, насколько он ценит Чернышевского и доверяет ему: уезжая за границу, он передал ему свои редакторские права. Этот факт представляется тем более симптоматичным, что он был официально зафиксирован тотчас после того, как Толстой предпринял свою известную атаку против Чернышевского. Его письмо к Некрасову от 2 июля 1856 г., где он с та-

Статья по вопросу цензуры.

Статья о цензуровывании.

КАРИКАТУРА ИЗ «ИСКРЫ», 1862 г., № 24

ким жаром нападает на «клоповоняющего господина», видя в нем «одного из тех подражателей Белинского, которые отвратительны» и, паче всего, возмущаясь его резко отрицательным отношением к действительности, — общеизвестно. Общеизвестен и ответ Некрасова Толстому (в письме от 22 июля 1856 г.). «Особенно мне досадно, — писал Некрасов, — что Вы так браните Чернышевского. Нельзя, чтоб все люди были созданы на нашу колодку, и коли в человеке есть что хорошее, то во имя этого хорошего не надо спешить произносить ему приговор за то, что в нем дурно или кажется дурным. Не надо также забывать, что он очень молод, моложе всех нас, кроме Вас разве. Вам теперь хорошо в деревне, и Вы не понимаете, зачем злиться, Вы говорите, что отношения к действительности должны быть здоровыми, но забываете, что здоровые отношения могут быть к здоровой действительности. Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости, — у нас немало к ней поводов. И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, т. е. больше будем любить — любить не себя, а свою родину».

Приведенные отрывки могут служить ярчайшим образцом зависимости литературных вкусов, симпатий и антипатий от классовой природы писателя. Ведь в основе толстовского нерасположения и к Белинскому, и к Гоголю, и к Чернышевскому, и к стихам Некрасова лежало, обусловленное его тогдашней принадлежностью к реакционно-дворянской группировке, убеждение, что «быть возмущенным, желчным, злым», т. е. критически относиться к существующему социальному строю, «очень скверно». Устами же Некрасова, когда он разъяснял Толстому, что «здоровые отношения могут быть только к здоровой действительности», а русская действительность такова, что к ней невозможно относиться без злости, говорил революционный демократ.

В какой мере Толстой был уже бессилен в это время влиять на Некрасова— об этом, как мы уже указывали, свидетельствует тот факт, что непосредственно после столь энергичной атаки его на Чернышевского Некрасов просил последнего быть своим заместителем в редакции «Современника».

Обращаем внимание, что в письме Толстого содержится, между прочим, и адресованный Некрасову упрек в том, что он не привлек Дружинина к обязательному соглашению. Вот его точные слова: «Нет, вы сделали великую ошибку, упустив Дружинина из нашего союза. Тогда бы можно было надеяться на критику в Современнике, а теперь срам с этим клоповоноющим господином... В нашем распоряжении нет данных о том, кем и в какой форме ставился вопрос о привлечении Дружинина в число «участников» соглашения. Во всяком случае, если бы Некрасов не сделал той «великой ошибки», за которую упрекает его Толстой, — вся история «Современника» могла бы сложиться совершенно иначе. Не забудем, что Дружинин — наиболее яркий представитель дворянских тенденций в литературе тех лет. Чернышевский и «чернышевщина», разумея под последней сущность воплощаемой во взглядах Чернышевского идеологии революционной демократии, для него были особенно неприемлемы. Дружинин, в качестве воинствующего сторонника дворянской эстетики, одну из главных своих задач видел в борьбе с «дидактикой», т. е. с эстетикой Чернышевского. Само собой разумеется, что, будучи одним из участников соглашения, Дружинин приложил бы все усилия к тому, чтобы вытеснить Чернышевского из журнала, а поскольку прочие участники идеологически гораздо ближе стояли к нему, чем к Чернышевскому, — эти усилия могли бы увенчаться успехом.

Характерно, что и не войдя в число участников, Дружинин всячески пытался влиять на последних в желательном для себя духе. С этой точки зрения значительный интерес представляют его письма к Тургеневу (см. сб. «Тургенев и круг «Современника», стр. 193 — 194 и 206 — 207). Так, в письме от 13 октября 1856 г., писанном еще до того, как «обязательное соглашение» вошло в силу, читаем: «Черкните мне что-нибудь о «Современнике» и вашем союзе. Неужели же вы не возьмете контроля в журнале и не выразите своего общего сотрудничества чем-нибудь иным, кроме поставки повестей? В таком случае вы сделали все промах, ибо хотя в направлении журнала нет ничего предосудительного, но выставка ваших имен заставляет ожидать, что они отразятся и в духе всего издания. Положа руку на сердце, признайтесь, — неужели вы довольны Чернышевским и видите в нем критика, и не обоняете запаха отжившей мертвечины в его рапсодиях, неловких и в цензурном отношении? С будущего года ответственность за это безобразие падет на вас, и станут говорить, что Тургенев и Толстой, наиболее поэтические из наших писателей, и поэт Некрасов терпят в своем журнале отрицание поэзии и вместо того показывают кукиши в кармане. Однако обо всем этом долго писать».

Этот отрывок, между прочим, любопытен содержащимися в нем явными противоречиями. В пылу раздражения Дружинин опровергает сам себя: только что он заявил, что «в направлении журнала нет ничего предосудительного», а несколькими строками ниже всячески доказывает именно предосудительность «отжившей мертвечины», заключающейся в «рапсодиях» Чернышевского, в част-

ности в «отрицании поэзии». С другой стороны, прямо-таки бесподобна забота Дружинина об интересах цензуры. Он не стесняется обвинять все те же злосчастные «рапсодии» в неловкости в «цензурном отношении», как будто усматривая в угождении цензуре одну из обязанностей современного журналиста.

Так как наставления Дружинина практического результата не имели, и автор ненавистных ему «рапсодий» приобретал все большее значение в «Современнике», в особенности после того, как к нему перешли, с отъездом Некрасова за границу, функции одного из двух полноправных редакторов журнала, то его нападки на «соглашение» становились все более и более резкими.

В письме к тому же адресату от 26 января 1857 г. он всячески старается воснаставить его против Некрасова, о котором совсем еще недавно говорил в сочувственном духе. Теперь, с точки зрения Дружинина, Некрасов уже перестал быть «своим», ибо явным образом держит сторону Чернышевского, а потому с ним нечего-де церемониться. «Не возлагайте надежд на возвращение Некрасова, скажу вам более, — его отсутствие полезно. Мы с вами, сидя в центре литер. круга и зная хорошие стороны Некр[асова] не могли бы представить себе, насколько он ненавидим всей юной и образованной частью писателей, тем кругом то-есть, на котором все держится. Эти истории недоплаченных денег, невежливых приемов, затерянных рукописей, не совсем чистых счетов, сделали то, что в некотором отношении даже Андрей стоит его выше. Дай бог, чтоб путешествие его освежило и заставило взглянуть внутрь себя, при его огромном уме и еще свежей частичке сердца оно может итаться. Но как бы то ни было, при одном известии о журнале, издаваемом человеком незапятнанным, все, что есть у нас молодого и свободного, сошлось около меня и я могу издавать 16 книжек вместо 12. В Совр[еменни]ке образовывается пустыня, а клеветы Русского Вестн[ика] и Андрея гнут к тому, чтобы клеветать на журнал в частных кругах».

Раз дело обстоит таким образом, то единственным путем к спасению «Современника» остается смена редакции. Если в письме от 13 октября 1856 г. Дружинин убеждает «участников» взять в свои руки «контроль» над журналом, то теперь он идет гораздо дальше. «Другого исхода я не вижу всему этому, как только тот, чтобы вы, Толстой и Боткин стали господами в журнале, отодвинувши как можно подальше всю его редакцию. Вы пишете, что этим делом «баловать» нельзя, — а делать нечего, вы теперь хуже балуете, сидя со сложенными руками».

Заключается же это замечательное письмо следующими горькими, хотя и несколько замаскированными укоризнами по адресу участников «союза»: «Истинно горек теперь для всех нас, не в денежном, а в другом, высшем отношении, становится ваш союз, заключенный так поспешно. Еремил⁵ по этому поводу говорит как Перикл и, я думаю, писал вам. Этот насильственный разрыв нашего тесного круга, так слитого долгими годами, тревогами и т. д., ставит нас всех в какое-то необъяснимо тяжелое положение. Мысли и сердце заодно, а между тем нашей деятельности никогда не слиться в одно утешительное целое, силы раздроблены, интересы поставлены наперекор. Это положение одно из страннейших в свете, и какой конец ему будет, кто может сказать? Мы все раскиданы как прутья, и Катков, связавший свои прутья в один веник, геркулес перед нами. Я очень изобретателен, но как я ни ломаю себе головы, даже не могу придумать ничего порядочного в этом смысле».

Нет надобности доказывать, что все эти рассуждения, в конечном результате, сводились к тому, «как неосмотрительно-де поступили вы, господа участники, согласившись на исключительное сотрудничество в «Современнике».

Трудно предположить, чтобы дружининский нажим не производил на «участников» никакого впечатления. Ведь не внушает, повторяем, никаких сомнений тот факт, что Дружинин во всех отношениях — и психологически, и идеологически, и по старинным дружеским связям — стоял к ним ближе, чем Чернышевский, игравший в это именно время первую скрипку в «Современнике». Отсюда

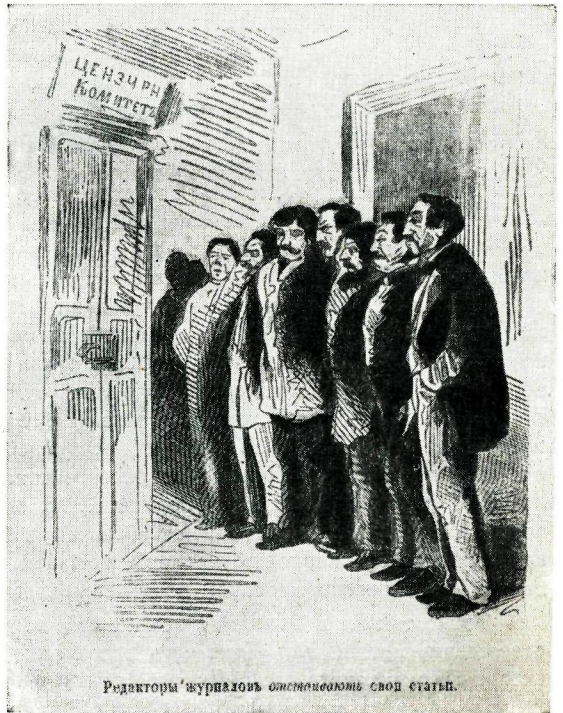
их симпатии к дружининскому журналу, т. е. к «Библиотеке для Чтения» и готовность поддержать ее своим сотрудничеством, даже в ущерб «Современнику». Поразительно в этом отношении по своему откровенному цинизму следующее признание Тургенева в письме к Толстому от 8 декабря 1856 г. Сознаваясь в ничегонеделании, Тургенев пишет: «Только надеюсь кончить в скором времени рассказ для Дружинина], — а для «коалиции» — (которая действительно не представляет «ничего величественного») — ничего». Итак, Тургенев готов преодолеть свое ничегонеделание в интересах дружининской «Библиотеки», с которой он не был связан никакими контрактами, а ради «Современника», «обязательным», «исключительным» «участником» которого являлся, пальцем пошевелить не хочет. Здесь не лишне будет отметить, что насмешливый отзыв Тургенева о «коалиции», т. е. об «обязательном соглашении», как об этом можно судить из только что приведенной цитаты, являлся непосредственным откликом на подобный же отзыв Толстого.

Следовательно, еще до начала своего «исключительного сотрудничества» в «Современнике» два крупнейших участника «коалиции» прониклись к ней определенно отрицательным отношением. В данном случае, надо думать, очень значительную роль сыграла передача Некрасовым своих редакторских функций Чернышевскому. Достаточно было последнему, вкуче с Панаевым, возглавить редакцию «Современника», как она начинает вызывать явную антипатию со стороны Тургенева и Толстого. Так, например, Тургенев в письме к Толстому от 8 декабря 1856 г. прямо заявляет: «а что Современник в плохих руках — это несомненно», возлагая за это ответственность, конечно, не на отсутствующего Некрасова, а на Панаева и, само собой разумеется, на Чернышевского. Еще категоричнее отзыв его о «Современнике», относящийся к марту 1857 г. (в письме к Е. Я. Колбасину, от 8 марта): «Современник плох — и не то выдохся, не то воняет. А впрочем мне это все равно». Толстой в свою очередь записывает в свой дневник под 7 ноября 1856 г.: «...редакция Современника противна».

Сказанное убеждает, в каком исключительно трудном положении оказались Чернышевский и Панаев, в качестве кормчих «Современника» в период с июля 1856 г. по июль 1857 г., т. е. в период пребывания Некрасова за границей. Успех журнала, и с их точки зрения и с точки зрения отсутствующего главного редактора, в значительной степени зависел от активности участников «коалиции», а между тем веры в эту активность не было. При таких условиях ничего не оставалось, как, во что бы то ни стало, добиться перелома в более чем прохладном отношении участников к «Современнику». Что нужно было для этого сделать? Едва ли для Чернышевского оставалось секретом, что и со стороны Тургенева, и со стороны Толстого, не говоря уже о Григоровиче и Дружинине, он не только не пользуется никакими симпатиями, а внушает им совершенно обратные чувства. А раз Чернышевский знал, пусть даже только догадывался о нерасположении к себе участников «коалиции», он должен был принять меры к устранению этого нерасположения. Поскольку в данном случае очень трудно, даже невозможно было обойтись без компромиссов, то Чернышевский счел себя вынужденным пойти на компромиссы. Сущность избранного им образа действий сводилась к тому, чтобы дать «участникам» ряд доказательств того, что у него с ними возможен общий язык, что он не меньше других ценит их, действительно, первоклассные художественные дарования. Нечего и говорить, что, если, проводя такую политику, Чернышевскому иной раз приходилось кривить душой, то это никоим образом не может быть поставлено ему в вину. В самом деле, какие соображения были для него тут решающими? Во-первых, стремление содействовать успеху журнала, единственного в те годы органа печати, в котором была возможна пропаганда демократической платформы, пусть в урезанном и сокращенном виде; во-вторых, желание, если не сразу, то постепенно добиться перехода крупнейших художников эпохи под демократическое знамя. Само собой разумеется, каждая из этих двух целей была настолько важной не для Черны-

шевского лично, а для того общественного направления, которому он так бескорыстно и самоотверженно служил, что он не мог особенно колебаться перед компромиссами.

В чем же выразились эти последние? Из замечательных писем Чернышевского к Тургеневу (первое от конца 1856 г., второе от 7 января 1857 г.) мы знаем, что он не останавливался перед преувеличенными похвалами по его адресу⁶, вроде: «в настоящее время русская литература, кроме Вас и Некрасова, не имеет никого», или «оскорбить Вас!— да это значит оскорбить нашу литературу», или «Вы не какой-нибудь Островский или Толстой—Вы наша честь» и т. д. и т. д. Однако, несмотря на категорически-декларативный тон этих похвал, суть писем Чернышевского к Тургеневу все же не в них, а в тех упорных, настойчивых попытках раскрыть его глаза на отрицательные стороны того либерально-дворянского литературного круга, с которым он был так тесно связан. Резко и неприемлемо звучат слова Чернышевского, когда он убеждает Тургенева не считаться с мнениями «тупцов» об его произведениях. «Вы по доброте Вашей слишком снисходительно слушаете всех этих гг. Боткиных с братиею. Они были хороши, пока их держал в ежовых рукавицах Белинский, — умны, пока он набивал им головы своими мыслями. Теперь они выдохлись, и начав «глаголати от похотей чрева своего», оказались тупцами. Они прекрасные люди, но в делах искусства или в другом чем-нибудь подобном не смыслят ни на грош. Возьмите статьи Дудышкина — кроме тех мест, где он повторяет Белинского, Вы найдете одни пошлости. Ум этих людей, быть может, очень грациозен и тонок, но он слишком мелок. Вы слишком добры к ним. Когда Вы приедете сюда, в Петербург, если Вы захотите говорить со мной, я Вас попрошу указать мне во всем, что написано Боткиным, Дружининым, Дудышкиным (не о Вас, это дело постороннее), а о ком бы то или о чем бы то ни было, хотя одну мысль, которая не была бы или банальною пошлостью, или бестолковым плагиатом. По моему, уж лучше Аполлон Григорьев—он сумасшедший, но все же человек (положим, без вкуса), а не помойная яма.

КАРИКАТУРА ИЗ «ИСКРЫ»,
1862 г., № 32

Редакторы журналов отказывают свои статьи.

Что касается до публички, поверьте, никакие «Юности» или «Охоты на Казаке», ни даже стихи Фета и статьи о стихах Фета и т. п. не могут на столько ополшить ее, чтобы она не умела отличать людей от... ну, хотя бы от тупцов.

Я Вам укажу пример—Вы лучше меня должны знать, что по мнению этих господ—стихи Некрасова дрянь. После Ваших «Записок охотника» ни одна книга не производила такого восторга. Хорошо бы он сделал, если б слушал наших аристархов».

Сопоставление этого письма с вышеприведенными письмами Дружинина к Тургеневу дает, думается нам, достаточные основания говорить о «борьбе за Тургенева», которая велась между Чернышевским и Дружининым с его единомышленниками.

В следующем письме Чернышевский делится с Тургеневым своим возмущением по поводу того, что Катков на страницах своего журнала неосновательно обвинил Тургенева в напечатании в «Современнике» повести, якобы обещанной «Русскому Вестнику», и горько жалуется на Панаева и Боткина, настоявших на смягчении написанного им ответа—ответа Каткову. И не один этот раз Чернышевский выступает в роли гласного защитника участников соглашения. Когда «Отечественные Записки» позволили себе ряд выпадов против последних, то перчатку, брошенную журналом Краевского, опять-таки поднял Чернышевский. «Когда надобно защищать,—писал он Некрасову от 5 ноября 1856 г.,—Григ., Остр., Толст. и Тург., я буду писать с возможной ядовитостью и беспощадностью—кроме журнальных соображений тут есть и нравственная причина: как сметь чернить такого благороднейшего человека, как Тургенев? Это низко и глупо. Да и Григор.⁷ Толстой имеют право на уважение, и защищать их—обязанность добросовестности, а не один расчет. Мне хотелось бы, чтобы они выиграли вследствие нападений Отечественных Записок, и сколько у меня достанет уменья, постараюсь об этом».

Если, полемизируя с «Русским Вестником» и «Отечественными Записками» за их выпады против «участников»—Чернышевский отнюдь не совершал ничего, что можно было бы подвести под понятие компромисса,—то некоторые другие его поступки, бесспорно, носили характер компромисса. В том же письме 5 ноября Чернышевский сообщает Некрасову, что он напечатал в «Современнике» «пинегирик Дружинину, новому редактору «Библиотеки», прежде всего для того, чтобы «доказать» ему, Некрасову, «свою приверженность к Дружинину», а в письме от 5 декабря тому же адресату, говоря о своей «статейке» о «Детстве», «Отрочестве» и «Военных рассказах» Толстого, сознается, что она написана, «так, что, конечно, понравится ему, не слишком нарушая в то же время истину».

«Политика» Чернышевского не осталась безрезультатной. Личное нерасположение к нему Тургенева и Толстого несколько поколебалось.

Так, например, в письме к Дружинину от 30 октября 1856 г., в явное и прямое противоречие со своими прошлогодними оценками, Тургенев заявляет, что хотя он и «досадует» на Чернышевского «за его сухость и черствый вкус», «но мертвечины в нем не находит, напротив: чувствует в нем струю живую»; пусть Чернышевский «плохо понимает поэзию», «это еще не великая беда»; «но он понимает,—как это выразить,—потребность действительной, современной жизни, и в нем это не есть проявление расстройтва печени, как говорил некогда милейший Григорович, а самый корень всего его существования». Двумя неделями позднее, в письме к Толстому (от 30 октября 1856 г.), Тургенев, говоря об «Очерках гоголевского периода», дает об этом центральном для того времени произведении Чернышевского скорее положительный, чем отрицательный отзыв.

Точно так же и Толстой в исходе 1856 г. заносит в свой дневник, казалось бы, совершенно неожиданные для него положительные суждения по адресу Чернышевского: «Чернышевский мил» (запись от 18 декабря), «пришел Чернышевский, умел и горяч» (запись от 11 декабря 1857 г.). Записи эти, думается, нельзя не поставить

в самую непосредственную связь с появлением в № 12 «Современника» только что упомянутой сочувственной статьи Чернышевского о Толстом.

Однако, тот просвет в отношении Тургенева и Толстого к Чернышевскому, о котором можно говорить в связи с данными их высказываниями, был и относительным и, главное, очень кратковременным. «Политика» Чернышевского издала и коренным образом могла бы изменить это отношение, если бы или Тургенев с Толстым или Чернышевский сошли со своих идеологических позиций, определяемых классовой природой той и другой стороны. Если тщетны были надежды Чернышевского, а в известной мере и Некрасова, что сорокалетний Тургенев и тридцатилетний Толстой смогут воспринять демократическое мирозерцание, то тем более нельзя было ожидать перехода Чернышевского на сторону буржуазно-дворянского либерализма. Чернышевский мог под влиянием создавшейся ситуации вести «политику», мог не останавливаться даже перед некоторыми компромиссами, но основная его идеологическая линия оставалась неизменной.

Об этом, как нельзя лучше, можно судить по содержанию «Современника» 1856 и 1857 гг. Неуклонно, последовательно, иногда задерживаясь на месте, иногда быстро двигаясь вперед, ни на минуту не теряя из виду конечной цели, Чернышевский переводил «Современник» с либерально-дворянских на демократические рельсы. Легче всего эта задача давалась ему, поскольку речь шла об отделе, находившемся в его непосредственном заведывании, т. е. о критико-библиографическом отделе. Такие эпохальные (конечно, в скромных масштабах тогдашней русской жизни) произведения его, как «Очерки тоголевского периода», сравнительно быстро демократизировали данный отдел. А затем не забудем, что с 1856 г., а тем более с осени 1857 г., Чернышевскому в демократизации критического отдела стал оказывать существенное содействие такой незаменимый союзник, как Н. А. Добролюбов. Растянувшееся на многие номера исследование того же Чернышевского о Лессинге вливало широкую демократическую струю в научный отдел. К составлению «Современных заметок» с 1856 г. Чернышевским был привлечен будущий активный деятель польской революции Сигизмунд Сераковский.

Хуже всего дело обстояло, конечно, с беллетристическим отделом, этой цитаделью дворянской художественной литературы. Положение усложнялось тем, что эту цитадель в «Современнике» занимали первоклассные мастера художественного слова, которые были положительно незаменимы. И все же, всячески держа за сотрудничество корифеев дворянской беллетристики, Чернышевский сумел к сотрудничеству в беллетристическом отделе привлечь писателей с иными классовыми тенденциями. В особенности явственно это обнаружилось в 1857 г. Если в 1856 г. в числе сотрудников «Современника» мы находим только одного из видных «обличителей» той эпохи, автора «Провинциальных воспоминаний» И. В. Селиванова, то в 1857 г. в этом журнале, кроме Селиванова, печатается уже целый ряд обличителей — С. Турбин («Рассказы бывалого»), Сомовский («Червячки»), Добролюбов (рассказ «Донос»), А. З. («Получение долга») и т. д. Наконец, в № 10 1857 г. появляется и первая салтыковская вещь в «Современнике» — рассказ «Жених». Споры нет, что ни один из названных авторов, — за исключением, разумеется, Салтыкова, — не мог равняться не только с Тургеневым и Толстым, но и с Григоровичем, но, с другой стороны, благодаря их сотрудничеству гегемония дворянских беллетристов не являлась уже столь безусловной, как ранее.

По мере того, как демократическая струя вторгалась на страницы «Современника» и окрашивала, пусть в неодинаковой степени, содержание его основных отделов, — «Современник» не мог не возбуждать резко отрицательного отношения со стороны большинства «исключительных сотрудников». «Современник» — «в плохих руках», «не то выдохся, не то воняет» — эти тургеневские формулировки разделялись, конечно, и всем дворянским кругом журнала. Вот почему «политика» Чернышевского, как она была охарактеризована выше, не

могла не потерпеть неудачи. Выражения личных симпатий плохо помогают там где проявляется классовый антагонизм. Участники «соглашения», не ликвидируя «контракта» (это всего было бы честнее при создавшихся условиях), участвуя в дивидендах,—а эти последние были довольно внушительны,—выразили свое одобрение демократическому курсу «Современника» тем, что свели свое участие в нем до минимума. Книжки журнала из месяца в месяц выходили, имея на обложках широковещательные объявления об «исключительном сотрудничестве» Тургенева, Толстого, Островского и Григоровича, а между тем произведения исключительных сотрудников блистали своим отсутствием на страницах тех же самых книжек. Чтобы не быть, в данном случае, голословными, приведем следующую таблицу, выясняющую интенсивность сотрудничества «участников» в «Современнике».

	Григорович	Островский	Тургенев	Толстой
	п о м е с т и л и в 1857 г.			
В № 1				
„Совр.“	—	—	—	„Юность“
В № 2	—	„Праздничный сон до обеда“	—	—
В № 3	„Очерк современных нравов“	—	„Чужой хлеб“	—
В № 4	—	—	—	—
В № 5	—	—	—	—
В № 6	—	—	—	—
В № 7	—	—	—	—
В № 8	„В ожидании парома“	—	—	—
В № 9	—	—	—	„Из записок кн. Нехлюдова“ (Люцерн)
В № 10	—	—	—	—
В № 11	„Скучные люди“	—	—	—
В № 12	„Кошка и мышка“	—	—	—

Комментарий, как говорится, излишни! В пяти номерах «Современника» (№№ 4, 5, 6, 7, 10) не появилось ни одного из произведений участников, в остальных семи появилось, правда, целых восемь их произведений, но из этих восьми ровно половина—4 произведения—принадлежали Григоровичу, наименее значительному из участников. Тургенев дал всего лишь одну вещь, да и то старую, когда-то зарезанную цензурой; Островский тоже только одну вещь. Толстой—две вещи. А в 1856 г. тот же Тургенев напечатал в «Современнике» три произведения, да еще таких, как «Рудин», «Фауст», «Завтрак у предводителя». Толстой—также три произведения—«Севастополь в августе», «Метель», «Два гусара». В результате создавалось в высшей степени странное, если не сказать более, положение: пока «Современник» не заручился «исключительным сотрудничеством» корифеев современной художественной литературы,—они давали ему больше, чем стали давать, сделавшись «исключительными». Неудивительно, что руководители конкурирующих изданий потирали руки от удовольствия, а подписчики «Современника» справедливо негодовали за неисполнение редакцией своих обещаний. Редакция, в лице Панаева и Чернышевского, хорошо понимая, в какой тупик она попала, всячески пыталась из него выбраться. О царивших в ней настроениях дают яркое представление, хотя бы, нижеследующие отрывки из писем Панаева к Тургеневу.

Из письма к Тургеневу от 1 декабря 1856 г.:

«Я рассчитываю на тебя на 2 № — бога ради, Тургенев! Работайте только вы четверо, а то, что мы (редакция) добросовестно, честно и по мере сил и способностей будем вести дело,—об этом тебе беспокоиться нечего; убедись, голубчик, в том, что я на дело смотрю серьезно и имею горячность к этому делу и что во мне есть на столько самолюбия, чтобы не уронить Современника в отсутствие одного из его издателей. Дело все в вас. Без ваших имен и статей в первых №№ будет плохо, как мы с своей стороны ни будем биться—и это повредит и нам и вам, и редакторам и вам четверым, в денежном отношении.—Итак умоляю тебя прислать что-нибудь для № 2, хоть краткую статью, если болезнь не позволяет тебе заниматься...»

Из письма от 3/15 января 1857 г.:

«У меня вся душа изныла и истомилась от неаккуратности членов «обязательного соглашения». Все наши старания и работа — (пожалуйста, выкинь из головы, что я не серьезно смотрю на журнальное дело; в нем теперь вся моя жизнь) — пропадут даром, если на членов «обязательного соглашения» нельзя будет рассчитывать, если они так неаккуратны, что с сентября до сей минуты откладывают каждый месяц присылку своих статей».

Из письма от 24 января 1857 г.:

«Не хвастая скажу тебе, что мы ведем свое дело честно и неапатично, не упуская из виду конкуренции. И если Современник расхатается или убьет его Библиотека, то мы умываем руки,—а виноваты будете вы, гг. обязательные сотрудники, которые заранее не позаботились о том, чтобы даже к первым №№ что-нибудь подготовить.—Подумай об этом посерьезнее—сознайся, не ущерб ли Современнику—что ты по дружбе к Дружинину даешь ему повесть в первые №№, тогда когда в первых №№ Современника твоего ничего нет? Против условия мы согласились, чтобы ты печатал в Библиотеке 1857 года повесть,—но повесть ты мог бы отдать Дружинину в течение года и во всяком случае и прежде всего должен бы был напечатать что-нибудь в первых №№ Современника. Печатаемая же у Дружинина в первых №№ — ты вредишь Современнику.—Вот что я не мог не высказать тебе».

Однако, просьбы и настояния Панаева в такой же мере были бессильны влиять на участников соглашения, как и «политика» Чернышевского. Вот почему Некрасов, вернувшийся в конце июня 1857 г. из-за границы, считал вынужденным прибегнуть к мерам более решительного свойства. Умоляющими письмами к участникам, подобными тем, которые писал Панаев, он не мог, да и не хотел довольствоваться. Указывая в письме Тургеневу от 14 июля, что «участники уже поставили себя перед публикой в комическое положение, а журнал в трагическое», твердо заявляя в письме к Толстому от 27 июля, что повесть его «необходимо должна быть выслана для помещения в девятой книжке журнала» («ни от кого из участников ничего нет, а между тем нужно выпустить объявление о подписке на 1858 г. С какими глазами?»), настоятельно требуя обещанной повести в письме к Григоровичу от 29 июля,—Некрасов составил и, пометив 30 июля, разослал особое «официальное» обращение к участникам⁸. В нем подробно были указаны более чем неблагоприятные последствия образа действий участников соглашения, как для них самих, так в особенности для журнала. Заканчивалось же оно следующими пожеланиями, не лишенными ультимативного характера.

«Редакции необходимо для четырех последних книжек нынешнего года и четырех первых следующего восемь произведений гг. участников, т. е. по два от каждого, и в такие сроки, чтобы эти произведения непрерывно одно за другим являлись в журнале, начиная с сентябрьской книжки».

Извещая о сем, редакция покорнейше просит гг. участников:

1. Немедленно доставить то, что у них изготовлено.
 2. Определить точные сроки доставления своих дальнейших произведений.
- Употребляя с своей стороны все возможные старания к поддержанию жур-

нала, делая значительные и непредвиденные (при заключении условий с гг. участниками) издержки на улучшение других его отделов, редакция надеется, что и гг. участники с своей стороны позаботятся о поддержании журнала, с достоинством которого, кроме материальных выгод, связана их собственная добрая слава, как людей, печатно обязавшихся перед публикой содействовать его успеху.

Иван Панаев. Ник. Некрасов»

Несмотря на решительный и даже резкий тон этого обращения, и оно не имело тех последствий, на которые, очевидно, надеялись его авторы. Только Толстой прислал рассказ «Люцерн», который и был напечатан в сентябрьском номере «Современника». Остальные не прислали ничего. Этот факт нельзя не признавать в высшей степени показательным. Он с не оставляющей никаких сомнений наглядностью свидетельствует не только о том, что участники более чем небрежно относились к принятым на себя обязательствам, но и о том, что они были совершенно равнодушны к интересам законтрактовавшего их журнала. Это лишний раз доказало Некрасову, что особенно надеяться на сколько-нибудь активную поддержку со стороны наиболее выдающихся представителей дворянской беллетристики его журнал не может. А между тем он возвращался из-за проницы настроенный таким образом, что поссорить его с Чернышевским было легче, чем когда бы то ни было. Оторвавшись на целый год от впечатлений русской жизни, вращаясь почти исключительно в обществе Тургенева, дружба его с которым приняла в это как раз время особенно интимный характер, — Некрасов готов был иными, чем прежде, глазами взглянуть на задачи современной журналистики. Он совершенно в духе Тургенева готов был говорить об упадке «Современника», якобы вызванном неумелым ведением дела Панаевым и Чернышевским. Еще в письме к Толстому от 31 марта (12 апреля 1857 г.) мы встречаемся с такими излияниями: «Если бы Вы знали, как я краснею при мысли, что Современник заковывал!.. Проклятая поездка за границу! Проклинаю минуту, когда я решился ехать... Но впрочем не поездка виновата, а я сам. Если мне удастся справиться, т. е. совладеть с собою, — я еще постою за Современник». Как он представлял себе «стояние» за «Современник» — это видно из письма его Тургеневу от 27 июля, в котором он выражает определенное недовольство тем, что «Чернышевский, малый дельный и полезный, но крайне односторонний... успел в течение года наложить на журнал печать однообразия и односторонности. Это-де сказывается и в ведении критико-библиографического отдела: «...бездна выходит книг, книжонок, новых журналов, спекулирующих на публику, — обо всем этом не говорится в журнале ни слова», и в ведении беллетристического отдела: «...не могу поверить, чтоб набивая журнал круглый год повестями о взятках, можно было не огадить его для публики». Правда, тут же Некрасов сознается, что «других повестей нет», — однако недовольство Чернышевским сквозит в данном письме очень явственно. Заключительный вывод: «...я до сей поры еще не решил, что делать с Современником». Еще более был недоволен Некрасов Панаевым. «Напиши Панаеву, — читаем мы в письме Некрасова Тургеневу от 25 ноября (7 декабря) 1856 г., — что не один я бешусь, зачем он пачкает Современник стишонками Гербея и Грекова, за что я ему написал на днях ругательство». А когда перепечатка в № 9 «Современника» 1856 г. нескольких стихотворений Некрасова из только что вышедшего их собрания вызвала целую цензурную бурю не только против журнала, но и против самого автора, то негодование Некрасова, считавшего главным виновником происшедшего Панаева, буквально не имело границ. «Панаев неисправим, — писал Некрасов Тургеневу от 6/18 декабря, — такие люди, как он, и трусят и храбрятся — все не кстати. Я не меньше люблю Современник, [чем] себя или мою известность, — недаром же я не решился поместить «Поэта и гражданина» в Современнике. Так нет! Надо было похвастаться. Впрочем Панаева винить смешно: не гнилой мост виноват, когда мы проваливаемся».

КАРИКАТУРА
 ИЗ «ИСКРЫ», 1862 г., № 19

Как ни велико было недовольство Некрасова Чернышевским и Панаевым за их действительные, а частично и воображаемые ошибки в ведении «Современника», оно вскоре должно было испариться. Пусть Чернышевский и Панаев ошибались, но они изо всех сил работали, радея о пользе и преуспевании «Современника»; если работа их не дала тех результатов, какие могла дать, то это произошло не столько по их вине, сколько по вине четверых «обязательных сотрудников», которые ничего или почти ничего не сделали, чтобы поддержать журнал. Некрасов, при его огромном уме, думается, не мог не осознать этого, а потому, ничем, насколько нам известно, не выразив Чернышевскому и Панаеву своего недовольства, сохранил за ними их прежнее положение в редакции «Современника». Да и самое неудовольствие Некрасова не могло быть продолжительным. Вскоре ему стало ясно, что очень не понравившиеся ему по первому впечатлению резко обличительные тенденции современной литературы, которым в его отсутствие был дан широкий доступ на страницах журнала, естественны, закономерны и заслуживают безусловного сочувствия со стороны передовой части общества. И если в письме Тургеневу от 27 июля Некрасов готов утверждать, что «гений эпохи — Щедрин — туповатый, грубый и страшно зазнавшийся господин», и что «противно раскрывать журналы — все доносы на кварталных да на исправников», то через какой-нибудь месяц в письме к Толстому от 29 августа он радуется, что и Толстой, наконец, понял, «что можно искренно, а не из фразы ругаться». Это значило, что сам Некрасов вернулся к тому взгляду на литературу, который в исходе 1856 г. формулировал в словах: в настоящее время не может быть другого «живого и честного направления, кроме обличения и протеста». Не мог не вернуться, ибо при сопоставлении западноевропейской жизни с русской всеми фибрами своего существа почувствовал: «...какое бы унылое впечатление ни производила Европа, стоит воротиться, чтоб начать думать о ней с уважением и отрадой» (письмо к Тургеневу от 27 июля). Русская дей-

ствительность представлялась ему теперь «океаном нелепости, на котором плавают две-три лодейки здравоумия и гуманности, удивляющие тем, как давно не перевернутся» (письмо к Толстому от 29 августа).

Итак, серьезной трещины в отношениях Некрасова и Чернышевского, несмотря на вышеприведенную воркотню первого по адресу второго, не образовалось. Как будто бы в конечном результате не пострадали и отношения между Некрасовым и четырьмя обязательными сотрудниками. Особенно это относится к Тургеневу. Даже в момент наибольшего обострения вопроса о невыполнении участниками соглашения своих обязательств, не скрывая своего крайнего возмущения их образом действий, Некрасов всячески выделял Тургенева, как имеющего особо-уважительные причины к «бездействию» (см., например, в том же письме от 27 июня). Тем не менее, едва ли можно сомневаться, что горький осадок от всей этой эпопеи с соглашением, так блистательно провалившимся, должен был остаться у него на душе. Едва ли можно отрицать, что «соглашение» отнюдь не послужило к вящему сближению редакции журнала с обязательными сотрудниками. Последние вели себя в течение 1857 г. в отношении «Современника» так, как никоим образом не стали бы вести себя люди, заинтересованные в процветании своего журнала. Это объясняется, как уже указывалось выше, не столько их индивидуальными свойствами, сколько отсутствием кровного интереса к делам «Современника». А кровного интереса не было, не могло быть потому, что они все более и более укреплялись в убеждении,—и имели на то объективные основания,—что «Современник», руководимый Чернышевским, как бы тактично и примирительно ни держался этот последний, ни в какой мере не является для них своим органом.

Сказанное объясняет, почему 1857 г. был и первым и последним годом, в течение которого «обязательное соглашение» оставалось в силе. К началу следующего 1858 г. оно было расторгнуто по обоюдному согласию заинтересованных сторон, т. е. как редакции, так и «исключительных сотрудников».

С точки зрения редакции «соглашение» явным образом не оправдало себя. Поскольку обязательные сотрудники не выполняли своих обязательств перед журналом и его подписчиками, выгоды соглашения сводились на-нет, а отрицательные его стороны давали себя чувствовать все ощутительнее и ощутительнее. Некрасов с его практическим умом не мог не осознать этого. Тем не менее, в текст объявления о подписке на 1858 г. он внес несколько слов о том, что поскольку Григорович, Островский, Толстой и Тургенев «окончили свои обязательства относительно других журналов» — «в следующем (т. е. в 1858) году деятельность их в «Современнике» будет значительнее, принадлежа ему исключительно». («Современник», 1857, № 10). Таким образом, в октябре 1857 г. редакция «Современника» считала, что действие соглашения будет продолжаться и в 1858 г. Однако, самая краткость упоминания о соглашении и помещение его на четвертой странице объявления служили достаточно ясным доказательством того, что вопросу о соглашении редакция уже не придает особого значения. Еще совсем недавно в объявлении о подписке на 1857 г. «обязательному соглашению» «с некоторыми из известнейших наших писателей», как мы видели, были посвящены две первых страницы целиком, и содержание этого объявления в основном сводилось к разъяснению тех преимуществ, которые приобретают и журнал и его читатели с заключением соглашения. Теперь же последнему, повторяем, уделяется каких-нибудь десять строк, запрятанных в середину объявления. Этот факт объясняется не только разочарованием редакции в соглашении, но и учтенным ею огромным перемещением читательских интересов: в 1857 г. эти интересы еще, в значительной степени, концентрировались вокруг художественной литературы и литературной критики, годом же позднее уже не оставалось никаких сомнений в том, что в центре их лежат практические задачи текущего социально-экономического момента. При подобной ситуации расторжение соглашения особой опасностью уже не представляло. А так как никаких надежд на то, что участники его начнут

строже относиться ко взятым на себя обязательствам, не было, то Некрасов все более и более начинает склоняться к мысли об его ликвидации. Так, в письме от 25 декабря 1857 г. к Тургеневу он откровенно заявляет: «Должен я тебе сказать, что обязательный союз меня начинает тяготить, связывая мне руки». Какие-то разговоры на эту же тему Некрасов вел несколько раньше с Толстым, захватившим на обратном пути из-за границы в Петербург. Как бы то ни было, в феврале 1858 г. он уже предпринимает официальные шаги к расторжению союза, придав им форму особого «обращения» к участникам, о котором содержатся весьма определенные упоминания в его письмах и к Толстому⁹ (от 22 февраля) и к Тургеневу (от 17 марта). Из сопоставления этих упоминаний нельзя не прийти к заключению, что в «обращении» (оно, к сожалению, до сих пор еще остается неизвестным) расторжение союза мотивировалось тем, что участники его не выполнили своих обязательств в отношении журнала, и содержалось предложение продолжать сотрудничество в нем на каких-то новых условиях, которые должны были заставить их стать активнее. В обоих упомянутых письмах Некрасов подчеркивал, что не «корыстные расчеты побудили его к уничтожению обязательного соглашения», а если тут и играли известную роль «денежные соображения», то «такие, пренебречь которыми было бы неблагоразумно для самого дела». Характерно, что в письме к Тургеневу, посланном гораздо позднее, чем письмо к Толстому, Некрасов говорит, что его «обращение к обязательным сотрудникам» уже «признано справедливым Толстым¹⁰ и Григорьевичем», от Островского он еще не имеет ответа, а в согласии Тургенева не сомневается.

Фактическая сторона дела, как она изложена нами здесь и выше, действительно такова, что снимает с редакции всякую вину за расторжение соглашения.

— Иванъ Ивановичъ былъ человекъ прекрасный, ни передъ чѣмъ не смущался — такъ всѣхъ и точилъ...
 — Прежде онъ всѣхъ точилъ, а потомъ и его стали точить.
 — Да известно чѣмъ. Точилъ, точилъ, и заготовилъ.

Если уж говорить в данном случае о чьей-либо вине, то таковую пришлось бы возложить на самих участников соглашения. Однако и их образ действий, как уже отмечалось выше, был predetermined тем, что идеологические тенденции «Современника», по мере того, как в нем укреплялась гегемония революционных демократов, становились для них все менее и менее приемлемыми. Пока были надежды вытеснить Чернышевского и его единомышленников из «Современника», обязательные сотрудники имели известные стимулы держаться за соглашение. Из приведенных выше писем Дружинина к Тургеневу явствует, что Дружинин, наиболее воинствующий из представителей либерально-дворянского сектора тогдашней литературы, считал вытеснение Чернышевского, а то и отстранение Панаева и Некрасова от редактирования журнала силами «обязательных сотрудников» — делом вполне возможным. Однако, надежды его не оправдались даже в слабой степени. «Участники» оказались решительно не способными к той борьбе, к которой неизбежно привели бы попытки реализации дружининского плана овладения «Современником». В нашем распоряжении нет даже никаких данных, указывающих на то, что подобного рода попытки предпринимались ими. С другой стороны, гегемония в «Современнике» явным образом переходила на сторону их идеологических противников. Наконец, сама редакция журнала абсолютно перестала держаться за соглашение, так как изверилась в его пользу для журнала. При таких условиях и участники журнала не имели сколько-нибудь серьезных оснований дорожить соглашением, тем более, что имеющийся в нашем распоряжении неизданный документ, озаглавленный конторой «Современника» — «Расчет для определения дивиденда, причитающегося 4 сотрудникам за исключительное участие в журнале Современник в 1857 году», — позволяет утверждать, что заработок «исключительных» не так уже был велик.

РАСЧЕТ

для определения дивиденда причитающегося 4 сотрудникам за исключительное участие в журнале Современник в 1857 году.

		Сумма.	
		Руб.	Коп.
Всего в 1857 году было подписчиков:			
1. По пакетам	1682	—	—
2. По подписке в Петербургской конторе	1415	—	—
3. По подписке в Московской конторе	490	—	—
4. По списку иногородным из Московской конторы.	230	—	—
5. По подписке в газетной экспедиции	137	—	—
6. По списку иногородных от книгопродавца Юнгмейстера	31	—	—
	Итого.	3985	
Стало быть согласно условию сверх	3200	—	—
подписчиков в 1857 году было	785	—	—
	Что составляет сумму	10990	—

Из этой суммы следует исключить:

За напечатание 12 книжек Современника * (состоящих в одном экземпляре из 385 лист.) в 1100 экземплярах, всего одиночных листов 423500, по 30 коп. сер. за 100 листов. 1270 50

* Против этой и последующих строк «Расчета» на полях было написано следующее:

Примечание. Всего печаталось экземпляров. 4300, кроме 2-го и 3-го номе-

За вторичный набор 1-го номера (33 печ. листа) по 10 руб. сер. за лист.	330	—
За напечатание 200 экземпляров 2-го и 200 экземпляр. 3-го номера сверх 1100 экземпляров (всего в 2-й и 3-й книжках $63\frac{1}{4}$ листа), что составит 12650 одиночных листов, по 30 коп. сер. за каждый лист.	37	95
За напечатание $1100 \times 12 + 400 = 13600$ оберток по 30 коп. сер. за сто	40	80
За белую бумагу 385 лист. 1100 экз. + $63\frac{1}{4}$ л. \times 200 экз. = 436150 лист., а с прибавкою 2% 444873 лист., что составляет 927 стоп (в стопе 480 листов) по 2 руб. 40 коп. сер. за стопу	2224	80
За бумагу оберточную для 13600 книг, листов 3400, а с прибавкою 2%—3468 листов или 8 стоп по 8 руб. сер. стопа.	64	—
За брошировку 13600 книг, по 2 коп. сер. за одну книгу.	272	—
За 800 лишних, против 3200 экземпляров, для каждого номера, картинок, что составляет их всего 9600 картин по $4\frac{1}{2}$ к. сер. за каждую картинку	432	—
За напечатание 1000 экземпляров начатых в 1856 г. статей «Маколей» и «Лесинг», но неоконченных к 1 января 1857 года и выдаваемых новым подписчикам на 1857 год, в каждом приложении $13\frac{1}{4}$ листов, всего 132500 листов по 30 коп. сер. за сто	39	75
За бумагу для этих приложений всего 13250 или 28 стоп по 2 руб. 40 коп. за стопу	67	20
	<hr/>	
Итого	4779	—
За тем в пользу участников условия (считая и редакторов)	6211	—
Вычитая же $\frac{1}{3}$ часть последней суммы в пользу редакторов, а именно 2070 руб. 34 коп. сер. будет причитаться в пользу 4-х сотрудников принимающих исключительное участие в журнале	4140	66

В 1857 году напечатано в Современнике:

Графом Толстым	10	лист.	15	стр.
Островским	2	»	7	»
Тургеневым	3	»	5	»
Григоровичем	12	»	3	»
	<hr/>			
Всего	28	лист.	14	стр.

На 1 лист причтется дивиденду

4140 руб. 66 = 143 руб. 40 коп. сер.

28 лист. 14 стр.

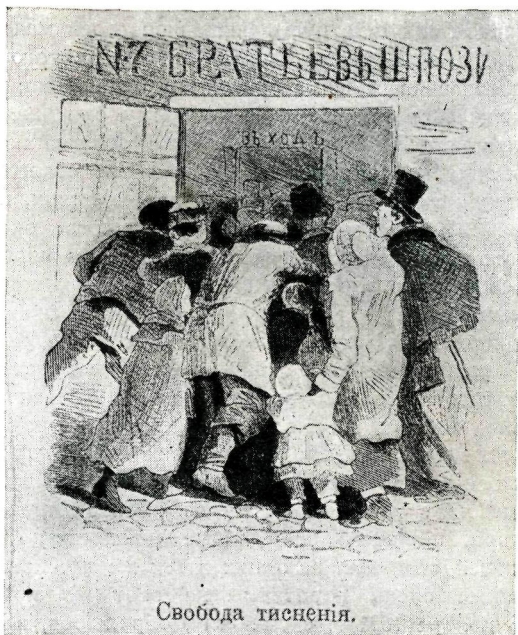
На 10 лист. 15 стр. написанных г. Толстым причтется

дивиденду	1568	43
На 2 лист. 7 стр. Островским	349	53
На 3 лист. 5 стр. Тургеневым	475	1
На 12 лист. 3 стр. Григоровичем	147	69

ров, которых печаталось 4500 экземпляров. 1-й номер вначале печатался в 4000 экземплярах, впоследствии был набран снова и отпечатан еще в 300 экзempl., стало быть сверх 3200 экзempl. печаталось всех номеров по 1100 экзempl. да сверх того 2-й и 3-й номера в ожидании большей подписки еще по 200 экземпляров.

1. Граф Толстой был к 1 января 1857 г. должен	1000	—
Получил 10 января 1857 года	200	—
10-го января уплочено на его счет за переписку «Юности».	17	60
Мая 10 послано за границу	300	50
Июля 17-го	253	50
Августа 6-го было выдано 200 руб. сер., но г. Толстой возвратил их назад г. Некрасову с просьбой отдать 150 руб. сер. г. Колбасину	150	—
Февраля 12-го 1858 г., чрез г. Колбасина	40	—
Итого	1961	60
Всего считая по 75 руб. сер. за лист г. Толстому следовало получить за 10 лист. 15 стр.	820	31¼
Дивиденд на это количество листов	1568	43
Итого	2388	74¼
Получено им как выше видно	1961	60
Следует добавить	427	14¼
2. Г. Островский к 1 января 1857 г. был должен	185	—
Дек. 29 1856 г. получил в Москве от Базунова	150	—
Июля 22-го 1857 г. послано в Москву с пересыл.	101	15
Декабря 9-го 1857 г. получил в Москве от Базунова	300	—
С у м м а .	Руб.	Коп.
Января 10-го 1858 г. получил 300 руб. но из сего количества надо отсчитать 212 руб. 50 коп. следующие г. Островскому за написанную им для № 1—1858 г. комедию и идущие в расчет уже на 1858 г. остается	87	50
Итого	823	65
Всего считая по 100 руб. сер. за лист (комедия) г. Островскому следовало получить за 2 л. 7 стр.	243	75
Дивиденд за это количество листов	349	53
Итого	593	28
Получено им как выше видно	823	65
Остается за ним в долгу	230	37
3. Г. Тургенев получил:		
Считая по 75 руб. с. г. Тургеневу следовало получить за 3 л. 5 стр.	248	43
Дивиденд за это количество листов	475	1
Итого	723	44
Получено им как выше видно	—	—
Следует добавить	—	—
4. Г. Григорович к 1 января 1857 г. был в долгу	600	—
Февраля 25-го 1857 г. получил	200	—
Итого	800	—

КАРИКАТУРА ИЗ «ИСКРЫ»
1862 г., № 28

Свобода тиснения.

Всего считая по 75 р. с. за лист г. Григоровичу следо- вало получить за 12 листов 3 стр.	914	6
Дивиденд на это количество листов	1747	69
	<hr/>	
Итого	2661	75
Получено им как выше видно	800	—
	<hr/>	
Следует добавить	1861	75

В приведенном документе обращает внимание наличность пробелов там, где должны были бы стоять цифры, определяющие сумму, полученную Тургеневым из кассы «Современника» к 1 января 1857 г., т. е. ко времени начала действия «обязательного соглашения», а также определяющие баланс его расчетов с «Современником» ко времени окончания действия соглашения. В книге «Тургенев и круг «Современника» опубликован счет Тургенева за три года, а именно за 1856—1858, восполняющий в известной мере данный пробел.

Итак, материальные итоги работы «исключительных» в «Современнике» 1857 г. сводились к следующему: Толстой, напечатавший в 1857 г. 10 листов 15 страниц, заработал 2388 р. 74¼ к. (820 р. 31¼ к. полистой платы из расчета 75 руб. за лист и 1568 р. 43 к. дивиденда), Островский, напечатавший 2 листа 7 страниц, заработал 593 р. 28 к. (243 р. 75 к. полистой платы из расчета 100 руб. за лист и 349 р. 53 к. дивиденда), Тургенев, напечатавший 3 листа 5 страниц, заработал 723 р. 44 к. (248 р. 43 к. полистой платы из расчета 75 руб. за лист и 475 р. 1 к. дивиденда) и Григорович, напечатавший 12 листов 3 страницы, заработал 2661 р. 75 к. (из них полистой платы 914 р. 6 к., из расчета 75 руб. за лист и 1747 р. 69 к. дивиденда). Присчитывая к полистой плате дивиденд, мы получим невиданно высокие по тем временам цифры авторского гонорара: Островский, в конечном итоге, получил по 243 руб. за лист, а остальные три обязательных участника по 218 р. за лист. Хотя таким образом «Современник» платил

«обязательным сотрудникам» больше, чем какой бы то ни было журнал, однако заработали они, пусть благодаря своей малоактивности, — все же не столь крупные суммы, чтобы боязнь лишиться этого заработка могла их, людей вполне обеспеченных в материальном отношении, заставить, во что бы то ни стало, держаться за «союз», к которому они уже охладели. А охлаждение их, в особенности Толстого, дошло уже до таких пределов, что в их кругу серьезно обсуждался вопрос об организации нового журнала, в противовес «Современнику», с его «вонючим», т. е. политическим, направлением.

Менее, чем через три года, после окончательного распада «обязательного соглашения» новая ситуация, сложившаяся в «Современнике», была закреплена особым договором. Некрасов и Панаев, старые работники «Современника», Чернышевский и Добролюбов, молодые его работники, образовали нечто вроде трудовой артели, условившись делить доходы от журнала на 4 равных части. О распределении редакционных функций договариваться, очевидно, не было надобности, ибо это распределение в течение 1858—1860 гг. было произведено самой жизнью и ни в каких изменениях не нуждалось. Был ли договор о равном распределении доходов закреплён каким-либо документом — мы не знаем. Единственным источником наших сведений о нем является, покамест, письмо Чернышевского к Добролюбову от 14/16 декабря 1860 г. Время действия этого договора, имевшего все данные максимально оправдать себя, ибо он объединил людей, стоявших на одних и тех же идеологических позициях, оказалось — увы! — также очень коротким... на этот раз по воле «независящих» обстоятельств. В ноябре 1861 г. скончался Добролюбов, в феврале 1862 г. похоронили Панаева, а в июле того же года за Чернышевским захлопнулись тюремные двери. У кормила «Современника», приостановленного в июне 1862 г. на целых восемь месяцев, остался один Некрасов...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как только наметился переход «от слов к делу», как только перешли к обсуждению способов реализации «реформ», — обнаружилась во всей своей яркости и силе коренные противоречия в программах сторонников прусского пути буржуазного развития и сторонников американского пути.

² П. 6-й предусматривает распределение дивиденда на три части, из которых одна предостается редакции, т. е. Некрасову и Панаеву, а остальные две — четверым «исключительным сотрудникам».

³ Кроме тех статей, которые обещаны этими писателями до заключения этого условия. Впрочем, обещание каждого не превышает одной статьи.

⁴ Некоторые, не лишённые интереса, подробности об этих переговорах и об условиях, поставленных Григорьевым Боткину, игравшему в этом эпизоде одну из главных ролей, содержатся в относящихся сюда материалах, напечатанных в «Голосе Минувшего», 1922 г., № 1.

⁵ То-есть Писемский.

⁶ Кстати сказать, большим вопросом является, были ли эти похвалы продиктованы нарочитым стремлением наговорить Тургеневу приятных вещей, или же в это время (что вполне возможно) Чернышевский находился в периоде искреннего увлечения Тургеневым, как художником.

⁷ Благожелательное отношение Чернышевского к Григоровичу заслуживает особого внимания. Известно ведь, что Григорович не постыдился изобразить Чернышевского в самом пасквильном виде, в лице Чернушкина, героя его повести «Школа гостеприимства», напечатанной в № 9 дружининской «Библиотеки для Чтения» за 1855 г. Впрочем, сам Григорович готов был считать эту повесть «мерзкою» и настолько стыдился ее, что «просил Панаева не упоминать о ней».

⁸ Это обращение впервые было напечатано Пыпиным в его книге о Некрасове, а затем перепечатано нами в «Письмах Некрасова» (Гиз, 1930, стр. 314—315).

⁹ Любопытно, что, не получив еще письма Некрасова, Толстой сам написал ему о своем решении «разорвать союз», который «ни к черту не годится».

¹⁰ Действительно, тотчас же после получения от Некрасова письма и «циркуляра», Толстой пишет ему (письмо от 26 февраля): «Что вы поступили совершенно справедливо, — в этом нет никакого сомнения».